

УДК 347.211:336.74

DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011

Правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют

Яндиев Абдул-Керим Абдулазизович

Магистр,
кафедра конституционного права
им. профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104/ 1;
e-mail: yandiev9797@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается, как за пятнадцать лет российское право прошло путь от полного безразличия к криптоактивам до попытки выстроить для них связную систему правил. Автор исходит из того, что ключом к пониманию всего регулирования служит проведенное законодателем разграничение двух категорий — цифровых финансовых активов и цифровой валюты, — которые внешне схожи, но по своей юридической конструкции противоположны. ЦФА трактуются как цифровые права с обязанным лицом, обращающиеся в поднадзорном Банку России периметре; цифровая валюта — как децентрализованный актив без обязанного лица, владение которым допустимо, а использование для расчетов внутри страны запрещено. На материале судебной практики (включая известное банкротное дело 2018 года), доктринальных споров о природе криптовалюты и новейшего законодательства 2024–2026 годов автор показывает, что имущественный статус криптовалюты признавался постепенно и «по частям» — сначала для банкротства, затем для налогов, наконец для уголовного судопроизводства, — тогда как общегражданская квалификация до сих пор не дана. Отдельно оценивается реформа последних двух лет: легализация майнинга, экспериментальные режимы трансграничных расчетов, налоговые правила, признание криптовалюты имуществом в уголовной сфере, позиция Конституционного Суда РФ и законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах». Автор приходит к выводу, что российская модель, при всем сходстве с европейским Регламентом MiCA, сохраняет две спорные особенности — тотальный платежный запрет и обязательную депозитарную централизацию, — и предлагает конкретные корректировки законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Яндиев А.-К.А. Правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 110-121. DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011

Ключевые слова

Цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые права, токен, распределенный реестр, майнинг, экспериментальный правовой режим, MiCA, правовое регулирование.

Введение

Еще десять лет назад разговор о криптовалюте велся преимущественно в среде программистов и биржевых спекулянтов, а юристы относились к ней как к курьезу, не заслуживающему серьезного нормативного внимания. Сегодня ситуация обратная. Совокупная стоимость мирового рынка криптоактивов измеряется триллионами долларов, крупнейшие управляющие компании держат биткоин в своих портфелях, а отдельные государства встраивают цифровые активы в национальные финансовые стратегии. Россия здесь не исключение, а скорее один из заметных участников процесса: по имеющимся экспертным оценкам, российские граждане входят в число мировых лидеров по объему вложений в криптоактивы, а отечественный майнинговый сектор занимает одно из первых мест в мире по вычислительным мощностям. Игнорировать явление такого масштаба право уже не могло.

Проблема в том, что правовое оформление криптооборота в России долго и заметно отставало от самой жизни. С 2009 по 2019 год криптовалюты существовали в откровенно «серой» зоне: специальных норм не было, легальных определений не было, а финансовые регуляторы ограничивались предостережениями об опасности «денежных суррогатов». В этих условиях суды, к которым все же попадали споры, вынуждены были действовать почти наощупь — и, что показательно, приходили к прямо противоположным выводам. Одни отказывали в защите, ссылаясь на отсутствие криптовалюты в перечне объектов гражданских прав; другие, напротив, толковали закон расширительно и признавали ее имуществом. Такая разногласица сама по себе служит лучшим доказательством того, что регулировать оборот было необходимо.

Первый серьезный шаг был сделан в 2019–2020 годах, когда в Гражданском кодексе появилась категория цифровых прав, а вслед за ней был принят профильный закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. Однако — и на этом хотелось бы сделать акцент с самого начала — созданный тогда каркас решил задачу лишь наполовину. Законодатель подробно, вплоть до деталей, урегулировал выпуск и обращение ЦФА внутри контролируемых информационных систем, но практически обошел стороной самый массовый и экономически значимый сегмент — децентрализованные криптовалюты. Их всего лишь определили и запретили использовать для платежей, оставив без ответа главный вопрос: что это вообще такое с точки зрения гражданского права и как с этим обращаться участнику оборота. Именно этот незакрытый пробел, на наш взгляд, и предопределил всю логику последующих реформ.

А реформы не заставили себя ждать. В 2024–2026 годах регулирование вступило в фазу настолько интенсивных изменений, что говорить о нем как о чем-то устоявшемся уже нельзя: легализован майнинг, запущены экспериментальные режимы трансграничных расчетов, введены налоговые правила, криптовалюта признана имуществом для целей уголовного судопроизводства, свою позицию высказал Конституционный Суд, а в Государственной Думе рассматривается объемный законопроект, который должен заменить нынешнее «поскутное» регулирование единой конструкцией. Все это происходит на глазах и требует не столько описания, сколько осмысления — что и составляет задачу настоящей работы.

Цель статьи автор видит в том, чтобы разобраться в правовом режиме цифровых финансовых активов и криптовалюты по действующему российскому праву: выяснить их юридическую природу, четко их развести между собой, показать характер публично-правовых ограничений и оценить, к чему ведет начатая реформа. Методологически работа опирается на анализ нормативных актов и законопроектов, сопоставление российской модели с европейским Регламентом MiCA, а также на изучение судебной практики и официальных позиций

регуляторов; там, где это уместно, автор прибегает к историко-правовому взгляду, выстраивая периодизацию развития отечественного регулирования.

Основная часть

Нельзя не отметить, что тема давно и плотно разрабатывается отечественной цивилистикой. Подходы к квалификации криптовалюты как объекта гражданских прав в свое время предложили А.И. Савельев [Савельев, 2017], Л.А. Новоселова [Новоселова, 2017] и Л.Г. Ефимова [Ефимова, 2019]; развернутый правовой анализ цифровых активов дан в монографии Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой [Санникова, Харитонов, 2020]; категорию цифровых прав исследовали М.А. Рожкова [Рожкова, 2020] и В.А. Лаптев [Лаптев, 2018]; сравнительно-правовые сюжеты токенизации разбирал Д.В. Федоров [Федоров, 2018], а публично-правовые и криминологические риски — Э.Л. Сидоренко [Сидоренко, 2017]. При всем богатстве этой литературы новейший виток реформы 2024–2026 годов, в силу его свежести, целостного доктринального осмысления пока не получил, что дополнительно оправдывает обращение к теме именно сейчас.

Чтобы понять сегодняшнее регулирование, полезно оглянуться назад. Развитие отечественного подхода к цифровым активам удобно разбить на три периода, и каждый из них имеет свой характер. Первый период — примерно с 2009 по 2018 год — прошел вообще без специальных норм, на фоне настороженного, если не сказать запретительного, настроения регуляторов. Банк России в своих сообщениях 2014 и 2017 годов последовательно предостерегал от «виртуальных валют», указывая на их спекулятивную природу, анонимность и опасность вовлечения в отмыwanie преступных доходов. Росфинмониторинг еще в 2014 году фактически приравнял обмен криптовалюты на рубли к потенциально сомнительной операции. Парадокс, однако, в том, что оборот при этом никуда не делся — он рос, а вместе с ним копились и споры, которые судам приходилось решать в полном нормативном вакууме.

Классической иллюстрацией этого вакуума стало банкротное дело гражданина Ц. Финансовый управляющий потребовал включить содержимое криптокошелька должника в конкурсную массу, но суд первой инстанции отказал: криптовалюта, рассудил он, не относится ни к одной из категорий объектов, перечисленных в статье 128 Гражданского кодекса, а значит, и включать в массу нечего. Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 15 мая 2018 года занял иную позицию и, истолковав понятие «иное имущество» с оглядкой на реальную экономику, признал криптовалюту имуществом, обязав должника открыть управляющему доступ к кошельку. Значение этого акта трудно переоценить: по сути, именно здесь впервые на уровне арбитражной апелляции была озвучена та имущественная концепция, которую позже, спустя два года, воспримет и законодатель. Судебная практика в данном случае опередила закон — случай для российского права не столь частый.

Второй период (2019–2020 годы) — это время закладки фундамента. Федеральный закон № 34-ФЗ дополнил Гражданский кодекс статьей 141.1, введя категорию цифровых прав: под ними понимаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание которых определяется правилами информационной системы, а распоряжение возможно только внутри этой системы, без обращения к посреднику. Одновременно цифровые права попали в перечень статьи 128 ГК как разновидность имущественных прав. Здесь важно уловить выбор законодателя: он предпочел не вещную, а обязательственную модель. Цифровое право — это не самостоятельная ценность, живущая где-то в реестре, а лишь цифровая форма фиксации

субъективного права, принадлежащего тому, кто может им распоряжаться по правилам системы. Различие тонкое, но принципиальное, и оно, как мы увидим, объясняет, почему криптовалюта в эту конструкцию так и не уместилась.

Далее Федеральный закон № 259-ФЗ от 2 августа 2019 года закрепил первую практическую разновидность цифровых прав — утилитарные цифровые права, привязанные к инвестиционным платформам. А завершающим камнем в основании стал Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА), действующий с 1 января 2021 года. Именно он впервые дал легальные определения и цифровым финансовым активам, и цифровой валюте — двум героям настоящей статьи.

Третий период открылся в 2024 году и продолжается до сих пор. Его суть — переход от разрозненных мер к попытке комплексного регулирования: майнинг, экспериментальные режимы, налоги, уголовно-правовое признание криптовалюты имуществом, единый законопроект. Об этом подробно ниже; пока же обратимся к первой из двух категорий — цифровым финансовым активам.

Согласно части 2 статьи 1 Закона о ЦФА, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; выпуск, учет и обращение таких прав возможны только через записи в информационной системе на основе распределенного реестра. Из этой громоздкой формулировки стоит вычленить несколько практически важных выводов.

Прежде всего ЦФА — это разновидность цифровых прав, то есть имущественные права, а не вещи и не некая самостоятельная «монета» в реестре. Их содержание исчерпывается закрытым списком прав обязательственного и корпоративного толка. Иными словами, ЦФА — это, по сути, цифровая оболочка привычных финансовых инструментов: денежных требований, облигационных и акционерных прав. Точно подмечает Л.А. Новоселова: токенизация не рождает нового содержания права, она лишь меняет форму его фиксации и порядок осуществления, привязывая их к записям в реестре [Новоселова, 2017]. С этим наблюдением трудно спорить, и оно, как представляется, точно схватывает суть российской конструкции.

Второе, что бросается в глаза, — жесткая привязка ЦФА к информационной системе, оператор которой внесен Банком России в специальный реестр. Российская модель ЦФА в этом смысле принципиально «периметровая»: актив существует и обращается только внутри контролируемой инфраструктуры под надзором мегарегулятора. Это, собственно, и есть главное отличие ЦФА от децентрализованной криптовалюты, у которой никакого единого центра нет и быть не может.

Институционально рынок ЦФА устроен в два звена. Первое — операторы информационных систем, где ЦФА выпускаются: ими могут быть только российские юридические лица из реестра Банка России, обязанные обеспечивать достоверность записей, идентифицировать пользователей и восстанавливать им доступ. Второе — операторы обмена ЦФА, через которых заключаются сделки: этот статус доступен кредитным организациям, организаторам торговли и иным лицам, отвечающим требованиям закона. Выпуск оформляется решением, где указываются эмитент, вид и объем прав, количество активов и цена. Права первого владельца возникают с момента внесения записи, переход прав — с момента записи о смене владельца. Тем самым запись в реестре приобретает правоустанавливающее значение — примерно такое

же, какое имеет запись по счету депо для бездокументарных ценных бумаг. Аналогия эта, к слову, не случайна: законодатель явно строил режим ЦФА, оглядываясь на привычный ему рынок ценных бумаг.

Публично-правовая сторона режима ЦФА включает несколько ограничений. Для неквалифицированных инвесторов Банк России устанавливает и признаки «рискованных» ЦФА, доступных только квалифицированным лицам, и лимиты вложений. Действуют требования по противодействию отмыванию доходов. Наконец, статья 14 Закона прямо запрещает принимать ЦФА в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги — за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. И вот на эту, казалось бы, техническую оговорку стоит обратить особое внимание: именно из нее впоследствии вырастет механизм расчетов ЦФА по внешнеторговым контрактам, о котором пойдет речь дальше. Мелкая деталь закона обернулась одним из ключевых инструментов внешнеэкономической деятельности — пример того, как заранее заложенное исключение оживает под давлением обстоятельств.

Что показывает практика? Рынок ЦФА растет: в реестрах Банка России числятся крупнейшие банки и финтех-платформы, а совокупный объем выпусков к середине 2020-х годов достиг сотен миллиардов рублей, причем преобладают токенизированные денежные требования — по сути, цифровые аналоги коротких облигаций. И все же говорить об успехе модели преждевременно. Доктрина обоснованно указывает на ее узкое место: ЦФА заперты каждый в своей информационной системе, полноценной совместимости между платформами нет, вторичная ликвидность слабая [Санникова, 2020]. Пока эти инфраструктурные ограничения не сняты, конкурировать с классической биржей ЦФА не смогут — и в этом, на наш взгляд, состоит главный вызов для дальнейшего развития данного сегмента.

Совсем иначе устроен режим цифровой валюты — того, что в быту и называют криптовалютой. Часть 3 статьи 1 Закона о ЦФА определяет ее как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые предлагаются или могут приниматься как средство платежа, не являющееся ни рублем, ни иностранной валютой, и (или) как инвестиция, и в отношении которых отсутствует обязанное лицо. В этом определении спрятаны два существенных признака: функциональный (пригодность быть средством платежа или объектом вложений) и структурный (отсутствие обязанного лица, то есть децентрализованность). Именно второй признак и проводит границу между цифровой валютой и цифровыми правами. ЦФА всегда удостоверяет требование к конкретному эмитенту; биткоин же не дает своему обладателю требования вообще ни к кому. За ним не стоит должника — и это меняет все.

Отсутствие обязанного лица создало главную теоретическую головоломку. Криптовалюта не укладывается в обязательственную модель цифровых прав, а потому в перечень объектов гражданских прав статьи 128 ГК она так и не вошла. Закон признал ее имуществом не вообще, а точно — лишь для целей отдельных законов: о банкротстве, об исполнительном производстве, о противодействии коррупции и о противодействии отмыванию доходов. Прием, прямо скажем, сомнительный с точки зрения юридической техники: один и тот же объект в одних отношениях считается имуществом, а в других остается вне классификации объектов вовсе. Л.Г. Ефимова справедливо видит в этом источник системной неопределенности [Ефимова, 2019], и с этой оценкой нельзя не согласиться — фрагментарность порождает вопросы там, где их могло бы не быть.

Центральное публично-правовое ограничение здесь — платежный запрет. Статья 14 Закона запрещает российским компаниям и находящимся в стране физическим лицам принимать

цифровую валюту в оплату товаров, работ и услуг, а заодно и рекламировать такую возможность. Логика Банка России понятна и последовательна: в национальной денежной системе не должно появляться частных «денежных суррогатов». За криптовалютой тем самым закреплён статус инвестиционного актива, но не платёжного средства. Любопытно, однако, что само владение криптовалютой и сделки с ней — купля-продажа, мена, дарение — законом не запрещены. А вот судебная защита связанных с ней требований поставлена в зависимость от того, сообщил ли обладатель о владении и об операциях. Норма эта вызывает вопросы: получается, фундаментальное право на судебную защиту ставится в зависимость от исполнения по сути фискальной обязанности [Савельев, 2017]. Насколько это оправданно — вопрос, к которому мы ещё вернёмся, когда речь пойдёт о позиции Конституционного Суда.

Спор о правовой природе криптовалюты вспыхнул в доктрине ещё до Закона о ЦФА и, несмотря на появление легального определения, не утих — ведь закон зафиксировал лишь внешние признаки, но не место явления в системе объектов прав. Условно можно выделить четыре подхода. Вещно-правовой предлагает распространить на криптовалюту режим вещей (с фикцией «бестелесной вещи»), что дало бы обладателю абсолютную защиту вплоть до виндикации; беда в том, что континентальное право традиционно понимает вещь как телесный предмет, и «бестелесная вещь» звучит как противоречие в терминах. Обязательственный подход отпадает сам собой — обязанного лица нет. Третий подход относит криптовалюту к «иному имуществу» статьи 128 ГК; именно его восприняла судебная практика, а обосновал ещё А.И. Савельев, метко заметивший, что категория «иное имущество» исторически служит своего рода «резервуаром» для новых благ, не влезающих в старые классификации [Савельев, 2017]. Наконец, четвертый подход видит в криптовалюте объект *suī generis*, для которого нужен особый режим, сочетающий вещные и обязательственные элементы с поправкой на технологию [Санникова, 2020]. Автору настоящей работы ближе именно эта, компромиссная позиция: действующее право фактически и обращается с криптовалютой как с имуществом особого рода, точно распространяя на нее отдельные режимы и оставляя при этом зияющий пробел в общегражданской квалификации.

Практика, к слову, двигалась к имущественной концепции упорно и последовательно. Помимо упомянутого банкротного дела, имущественный взгляд закрепился и в уголовных делах: ещё до реформы 2026 года суды признавали криптовалюту предметом взятки и хищения, а Пленум Верховного Суда указал, что предметом легализации могут быть в том числе средства, преобразованные из криптовалюты. Но одно дело — квалификация, и совсем другое — процессуальный инструментарий. Криптовалюту, в отличие от денег на счете, нельзя «заморозить» письмом в банк: доступ к ней определяется фактическим владением частным ключом. Следователь оказывался в положении, когда актив вроде бы есть, а взять его нечем. Этот разрыв между материально-правовым признанием и процессуальной беспомощностью долго оставался слабым местом всей конструкции.

Разрыв устранил Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ: он признал цифровую валюту имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов и прописал порядок наложения ареста, изъятия и хранения криптоактивов при следственных действиях. Круг замкнулся — имущественный режим криптовалюты дошел и до уголовной сферы. Не менее важным стало Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года № 2-П, где сформулирована позиция: цифровая валюта является имуществом и подлежит конституционно-правовой защите независимо от того, задекларировал ли ее обладатель. Это, по сути, поправка к части 6 статьи 14 Закона о ЦФА, причем поправка весомая. Отказ в судебной

защите недеklarированных криптоактивов не может быть безоговорочным: собственность (в широком конституционном смысле) охраняется вне зависимости от исполнения публичных обязанностей, за неисполнение которых и без того предусмотрена самостоятельная ответственность. Конституционный Суд, на наш взгляд, здесь абсолютно прав — нельзя лишать человека права на суд в наказание за неподанную декларацию, для этого есть другие, соразмерные средства.

Если теперь свести оба режима вместе, вырисовывается любопытная картина: законодатель сконструировал для технологически родственных явлений два зеркально противоположных режима. ЦФА — централизованно администрируемые цифровые права с обязанным лицом, обращающиеся в лицензируемом периметре под надзором ЦБ и признанные полноценным объектом гражданских прав. Цифровая валюта — децентрализованный актив без обязанного лица: владеть можно, платить внутри страны нельзя, а гражданско-правовой режим определен обрывочно, через отсылки отраслевых законов. Эта асимметрия обернулась практическим парадоксом. Самый крупный и экономически весомый сегмент — собственно криптовалюты и стейблкоины — оказался наименее урегулированным. А природа не терпит пустоты: оборот ушел в «серую» зону иностранных бирж и P2P-площадок. Именно необходимость вернуть его в правовое поле, как представляется, и запустила новый виток реформы, к которому мы переходим.

Новый виток начался с майнинга. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ ввел в оборот понятия майнинга цифровой валюты, майнинг-пула и оператора майнингowej инфраструктуры. Компании и предприниматели вправе майнить, если внесены в реестр, который ведет ФНС; граждане — без реестра, но в пределах лимитов энергопотребления, устанавливаемых Правительством. Все обязаны сообщать налоговому органу о полученной валюте и адресах-идентификаторах, а Правительство вправе запрещать майнинг на отдельных территориях — что и было сделано в ряде энергодефицитных регионов. За сухой формулировкой закона скрывается любопытный концептуальный поворот. Государство фактически признало правомерным первичное приобретение криптовалюты — ее «добычу» — на своей территории, сохранив при этом запрет тратить ее внутри страны. Майнинг тем самым институционализирован как отрасль, ориентированная вовне, а сама криптовалюта — как актив, который добывают здесь, а реализуют преимущественно там, на внешних рынках. Логика, надо признать, не лишенная внутренней стройности, пусть и небесспорная.

Второе направление — допуск цифровых активов в трансграничные расчеты. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 223-ФЗ позволил вводить экспериментальные правовые режимы (ЭПР), в рамках которых Банк России утверждает программу расчетов криптовалютой по внешнеторговым договорам, определяя участников, порядок и срок эксперимента; параллельно легализовано использование ЦФА как встречного предоставления по таким контрактам. Причина появления этих механизмов лежит на поверхности — санкционное давление и трудности с традиционными каналами платежей. Криптовалюта, обращающаяся в обход корреспондентской банковской сети, стала рассматриваться как один из инструментов обеспечения внешнеэкономической деятельности. Оценить эффективность эксперимента, впрочем, затруднительно: сведения об участниках и объемах не раскрываются, и наблюдателю остается судить о результатах лишь косвенно. Такая закрытость понятна из соображений санкционной безопасности, но она же лишает возможности вести предметную дискуссию об итогах.

Третье направление — налоги. Федеральный закон от 29 ноября 2024 года № 418-ФЗ

признал цифровую валюту имуществом уже для целей Налогового кодекса и установил правила: доход от майнинга признается по факту получения валюты исходя из ее рыночной котировки, доход от реализации облагается НДФЛ (для граждан) или налогом на прибыль (для организаций), при этом операции освобождены от НДС, а майнинг выведен из-под специальных налоговых режимов. Так завершилось построение фискального контура. Получается характерная для многих стран картина: государство не признает криптовалюту деньгами, но в полной мере распространяет на нее свой фискальный суверенитет, облагая ее как имущество. Противоречия здесь нет — есть последовательное проведение принципа «не деньги, но актив».

Кульминацией стал внесенный Правительством в апреле 2026 года пакет во главе с проектом федерального закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах», уже принятым в первом чтении. Замысел — заменить нынешнее «лоскутное» регулирование единой рамкой. Ключевых новелл несколько. Во-первых, легализуется организованный внутренний оборот криптовалюты: покупать и продавать ее можно будет через лицензированных посредников — обменники из реестра Банка России, брокеров, доверительных управляющих; к сделкам допустят и квалифицированных, и неквалифицированных инвесторов, последних — после тестирования. Во-вторых, создается цифровой депозитарий — инфраструктура для учета и хранения криптовалюты по модели, знакомой по рынку ценных бумаг; вывод активов за пределы российского депозитарного контура допускается только на счета лицензированных иностранных организаций. В-третьих, за юристами и предпринимателями закрепляется право рассчитываться криптовалютой по внешнеторговым контрактам уже вне рамок эксперимента ЦБ — вплоть до покупки валюты за рубли с российских счетов. В-четвертых, вводятся обязанности резидентов уведомлять налоговые органы об иностранных кошельках и отчитываться по операциям. В-пятых, устанавливается поэтапность: базовые нормы — с сентября 2026 года, требование работать только через лицензированных посредников с уголовной и административной ответственностью — с 1 июля 2027 года. Внутренний платежный запрет при этом остается нетронутым: платить криптовалютой за товары и услуги в России по-прежнему будет нельзя — ровно как иностранной валютой.

Заключение

Оценивая замысел реформы, невозможно не заметить его близость к европейскому подходу. С 2024 года в ЕС поэтапно применяется Регламент (ЕС) 2023/1114 о рынках криптоактивов (MiCA) — он ввел лицензирование провайдеров криптоуслуг, требования к эмитентам токенов и правила защиты инвесторов. Общее у двух моделей налицо: периметровый принцип (легальный оборот — только через лицензированных посредников), риск-ориентированные требования и особое внимание к стейблкоинам. Но есть и различия, и они существенны. MiCA в целом допускает платежное использование криптоактивов, российская же модель держит тотальный внутренний запрет. MiCA не требует обязательной депозитарной централизации хранения, а российский проект на ней настаивает, ограничивая вывод на личные некастодиальные кошельки. Вот это последнее решение, на наш взгляд, самое спорное во всей реформе. С одной стороны, депозитарная модель обеспечивает прозрачность и облегчает налоговый и антиотмывочный контроль. С другой — она вступает в прямое противоречие с самой архитектурой децентрализованных систем, где владеть активом и значит контролировать приватный ключ. Запрет держать актив на собственном кошельке рискует не столько

дисциплинировать пользователя, сколько вытолкнуть его обратно в ту самую «серую» зону, ради ухода из которой реформа и затевалась.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Первое. Российское право проделало путь от полного игнорирования цифровых активов через фрагментарные меры к попытке комплексного регулирования, и в основе этой конструкции лежит дихотомия «ЦФА — цифровая валюта»: первые построены как централизованные цифровые права с обязанным лицом, вторая — как децентрализованное имущество особого рода без такового. Понимание этого разграничения, как показано в работе, и есть ключ ко всему остальному.

Второе. Имущественный статус криптовалюты признавался постепенно и по частям — банкротство, исполнительное производство, противодействие коррупции и отмыванию, налоги, а с 2026 года уголовная и уголовно-процессуальная сферы. При этом в самом центре системы сохраняется пробел: в перечень объектов гражданских прав статьи 128 ГК цифровая валюта так и не включена. Устранить этот пробел давно пора. Автор предлагает дополнить статью 128 ГК указанием на цифровую валюту как разновидность иного имущества — это придало бы регулированию системность, а судебной практике предсказуемость, избавив ее от необходимости всякий раз выводить имущественный статус криптовалюты из разрозненных отраслевых отсылок.

Третье. Стержнем российской модели остается внутренний платежный запрет, приравнивающий криптовалюту по режиму использования к иностранной валюте. Такой приоритет защиты денежного суверенитета на нынешнем этапе в целом оправдан. Но его действенность целиком зависит от того, удастся ли втянуть оборот в лицензированный периметр. И здесь кроется риск: чрезмерно жесткие инфраструктурные ограничения — в первую очередь запрет вывода на некастодиальные кошельки — способны воспроизвести ровно ту ситуацию, с которой боролись, когда значительная часть операций остается вне досягаемости юрисдикции.

Четвертое. Позиция Конституционного Суда о защите криптовалюты как имущества независимо от декларирования требует законодательного отклика. Условие о судебной защите лишь задекларированных активов, на наш взгляд, следует заменить самостоятельной ответственностью за нарушение обязанности информирования — ответственностью, которая не перекрывала бы доступ к правосудию. Наказывать неисполнение фискальной обязанности лишением права на суд несоразмерно.

Пятое. Сопоставление с MiCA показывает, что Россия движется в общем русле мирового тренда — от запретов и выжидания к лицензированию и надзору. Но движется со своей спецификой: платежный запрет и депозитарная централизация. Каким окажется итог, зависит от того, удастся ли найти баланс между тремя конкурирующими целями — защитой финансовой стабильности и денежного суверенитета, обеспечением фискального и антиотмывочного контроля и созданием конкурентоспособной национальной инфраструктуры, способной удержать оборот в легальном поле. От качества этого баланса и будет зависеть, станет ли новый правовой режим работающим институтом развития рынка или останется преимущественно ограничительной рамкой, живущей параллельно фактическому обороту. Хотелось бы верить в первое — но ответ, как это часто бывает в праве, даст только практика.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Ефимова, Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права / Л. Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 2019. – № 4. – С. 17–25.
3. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. – 2014. – № 11.
4. Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций / Банк России. – М., 2022. – 36 с.
5. Лаптев, В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В. А. Лаптев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 199–204.
6. Новоселова, Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
7. Официальный отзыв Банка России и материалы обсуждения регулирования рынка цифровых валют. – URL: <https://cbr.ru>.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П. – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем...» (ред. от 26.02.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.
11. Проект федерального закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах». – Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
12. Рожкова, М. А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–12.
13. Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.
14. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ: монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна. – М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.
15. Сидоренко, Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты / Э. Л. Сидоренко // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 147–154.
16. Федоров, Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 30–74.
17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
19. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о легализации майнинга цифровой валюты) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (часть I). – Ст. 4936.
20. Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (часть I). – Ст. 4938.
21. Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 49.
22. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
23. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
24. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.
25. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
26. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–205.

The Legal Regime of Digital Financial Assets (DFAs) and Cryptocurrencies

Abdul-Kerim A. Yandiev

Master's Degree Holder,
Department of Constitutional Law
named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,
Saratov State Law Academy,
410056, 104/1, Chernyshevskogo str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: yandiev9797@mail.ru

Abstract

The article examines how, over fifteen years, Russian law has gone from complete indifference to crypto-assets to an attempt to build a coherent system of rules for them. The author proceeds from the premise that the key to understanding the entire regulation is the distinction drawn by the legislator between two categories – digital financial assets and digital currency – which are outwardly similar but opposite in their legal construction. DFAs are treated as digital rights with an obligated person, circulating within a perimeter supervised by the Bank of Russia; digital currency is treated as a decentralized asset without an obligated person, ownership of which is permissible, while its use for settlements within the country is prohibited. Based on judicial practice (including the well-known bankruptcy case of 2018), doctrinal disputes about the nature of cryptocurrency, and the latest legislation of 2024–2026, the author shows that the property status of cryptocurrency was recognized gradually and "in parts" – first for bankruptcy, then for taxes, and finally for criminal proceedings – whereas a general civil law qualification has still not been given. The reform of the last two years is assessed separately: the legalization of mining, experimental regimes for cross-border settlements, tax rules, the recognition of cryptocurrency as property in the criminal sphere, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the draft law "On Digital Currency and Digital Rights". The author comes to the conclusion that the Russian model, for all its similarity to the European MiCA Regulation, retains two controversial features – a total payment prohibition and mandatory depositary centralization – and proposes specific amendments to the legislation.

For citation

Yandiev A.-K.A. (2026) *Pravovoy rezhim tsifrovyykh finansovykh aktivov (TsFA) i kriptovalyut* [The Legal Regime of Digital Financial Assets (DFAs) and Cryptocurrencies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 110-121. DOI: 10.34670/AR.2026.43.32.011

Keywords

Digital financial assets, digital currency, cryptocurrency, digital rights, token, distributed ledger, mining, experimental legal regime, MiCA, legal regulation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part One dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended in 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Efimova, L. G. Cryptocurrencies as an Object of Civil Law. L. G. Efimova. *Economy and Law*. 2019. No. 4. P. 17–25.

3. Information from the Bank of Russia dated January 27, 2014, "On the Use of 'Virtual Currencies,' Specifically Bitcoin, in Transactions" // Bulletin of the Bank of Russia. – 2014. – No. 11.
4. Cryptocurrencies: Trends, Risks, Measures: Report for Public Consultation / Bank of Russia. – Moscow, 2022. – 36 p.
5. Laptev, V. A. Digital Assets as Objects of Civil Rights / V. A. Laptev // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 2 (42). – P. 199–204.
6. Novoselova, L. A. "Tokenization" of Civil Law Objects. L. A. Novoselova. Economy and Law. 2017. No. 12. P. 29–44.
7. Official Response of the Bank of Russia and Materials on the Discussion of Digital Currency Market Regulation. – URL: <https://cbr.ru>.
8. Resolution of the Ninth Commercial Court of Appeal dated May 15, 2018, No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017 // ConsultantPlus Legal Reference System.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 20, 2026, No. 2-P. – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru>
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2015, No. 32 "On Judicial Practice in Cases Concerning the Legalization (Laundering) of Money or Other Property Acquired by Criminal Means..." (as amended on February 26, 2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – No. 9.
11. Draft Federal Law No. 1194918-8 "On Digital Currency and Digital Rights." – Legislative Activity Support System of the State Duma of the Russian Federation. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>
12. Rozhkova, M. A. Digital rights – what are they and are they needed in the Civil Code? / M. A. Rozhkova // Economy and Law. – 2020. – No. 10. – P. 3–12.
13. Savelyev, A. I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights / A. I. Savelyev // Zakon. – 2017. – No. 8. – P. 136–153.
14. Sannikova, L. V. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph / L. V. Sannikova, Yu. S. Kharitonova. – Moscow: 4 Print, 2020. 304 p.
15. Sidorenko, E. L. Criminological Risks of Cryptocurrency Circulation / E. L. Sidorenko // Economics. Taxes. Law. – 2017. – Vol. 10, No. 6. – P. 147–154.
16. Fedorov, D. V. Tokens, Cryptocurrency, and Smart Contracts in Domestic Draft Laws from the Perspective of Foreign Experience / D. V. Fedorov // Herald of Civil Law. – 2018. – Vol. 18, No. 2. – P. 30–74.
17. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020, "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
18. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020, "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
19. Federal Law No. 221-FZ of August 8, 2024, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (regarding the legalization of digital currency mining) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4936.
20. Federal Law No. 223-FZ of August 8, 2024, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (regarding experimental legal regimes in the sphere of digital innovations in the financial market) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4938.
21. Federal Law No. 418-FZ of November 29, 2024, "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. – No. 49.
22. Federal Law No. 38-FZ of February 20, 2026, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru>
23. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019, "On Amendments to Parts One and Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. Art. 1224.
24. Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019, "On Raising Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 31. – Art. 4418.
25. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001, "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (Part I). – Art. 3418.
26. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–205.